

М.В. Шлюпиков¹ *, М.М. Шлюпикова²

¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан;

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
(E-mail: shlyupikovm@mail.ru; masha.97sh@gmail.com)

Природа и человек древнего мира в исторической концепции Ф. Броделя

Статья посвящена анализу концептуального видения природы и человека древнего мира в исторической теории Фернана Броделя. Авторами показано влияние географических и климатических факторов на исторический процесс в концепции Ф. Броделя. Определено значение факторов рельефа местности и определенных экологических систем на формирование и развитие исторически обусловленных экономических, социальных и политических отношений. На примере развития Франции раскрывается реализация теоретических положений концепции французского ученого о формировании общественно-политических и экономических отношений, начиная с античного периода. Географическое строение, рельеф местности также определяют культурное, экономическое и политическое районирование, региональные различия в рамках единых государственных образований. Показана роль путей сообщения в становлении и развитии античной государственности изначально на Апеннинском полуострове, а в дальнейшем и на большей части территории Западной и Южной Европы. Весьма интересна и продуктивна в научном отношении идея Ф. Броделя о схожести политических трансформаций эпохи эллинизма и ряда современных проектов политической интеграции. Становление в эллинистический период территориальных государств, занявших место прежней модели греческих городов-полисов, имеет немало общих характеристик со становлением единого европейского пространства современности.

Ключевые слова: древний мир, античность, эллинизм, Древний Рим, географические факторы в историческом процессе, политическая интеграция, экономическое районирование, исторические региональные различия, социальная история, экономическая история, школа «Анналов».

Введение

Настоящее тысячами нитей связано с прошлым, которое жаждет остаться. А прошлое через свой многовековой опыт, через повторяемость, через выявление закономерностей предлагает гносеологическую модель, обобщенный идеальный тип для правильного анализа настоящего [1; 11].

Имя Фернана Броделя (Fernand Braudel — фр., 1902–1985) глубоко уважаемо в европейском научном мире. Признанный лидер второго поколения французской школы «Анналов», продолживший разработку проблем экономической и социальной истории, начатую М. Блоком и Л. Февром, Ф. Бродель стал автором оригинальной концепции «глобальной истории», эшелонированной, с разными скоростями исторического развития, направленной «вглубь» изучаемого явления. Его творческий призыв двигаться от «событийной истории» к «структурам повседневности», к почти «неподвижной истории» за прошедшие десятилетия не потерял своей актуальности. Человек — творец истории, но он же сам «продукт» географии, «среды», которая часто определяет способ и средства добывания пищи, технику, материальные средства, одежду, жилища, транспорт, образ жизни, общественные отношения, форму власти, характер законов и социально-политических институтов, культуру, науку, религию [2]. Отдельные проблемы исторических исследований знаменитого французского учёного уже были в сфере нашего научного интереса [3].

Ф. Бродель поддерживает учёных, которые расширяют хронологические рамки и всматриваются в глубокие структуры социальной деятельности. Трудно согласиться с мнением экономиста и социолога Р. Фоссаэра, который фрагментирует историю Франции: «Галлия (...) почти ничем не связана с нашей страной, которая не всплыла откуда-то из глубины веков, но явилась плотью от плоти самой истории» [4; 8–9]. История пронизывает века, мифологическое и реальное переплетено, сельская Франция формировалась, «дышала полной грудью», кормила себя и округу уже тридцать веков назад. Галлия географически и экономически очертила территории, где позднее взрастёт Франция.

Древняя и средневековая история Франции — своего рода экспериментальная модель для межпространственных и межвременных сравнений, которые обеспечивают возможность выявить связи,

* Автор-корреспондент. E-mail: shlyupikovm@mail.ru

тенденции, закономерности, что позволяет считать историю ретроспективной социологией. Прошлое и современность разорваны временными рамками, между которыми непреодолимые барьеры, в виде горных массивов, холмов, разломов, трещин, быстрых и полноводных рек. Прошлое, по мнению Ф. Броделя, тем не менее, входит в нашу жизнь [4; 12].

География помогает человеку многопланово. Для Броделя география — шанс лучше познать историческое наследие Франции. Территория — историческая реальность. Современные ландшафты природный слепок прошлого [4; 19]. Экосистема, среда, земля, окружение — всё это становится заслуженным объектом изучения, не менее важным, чем традиционные исторические источники.

Сплачиванию Франции, считает Ф. Бродель, благоприятствовало её пространство, природа и география этого пространства. Франция — регион сельских дорог, деревушек, «мозаика пейзажей». Эта разница была более наглядна в прошлом, когда всюду преобладали местные привилегии, местные диалекты, народные сказания, легенды и мифы, типичные виды построек (из самана, дерева, камней, лавы, кирпичей) и костюмы [4; 20].

Жилые постройки также возводились в разных регионах по-разному: в каждой местности свой особняк, другими словами, свой тип жилых помещений [4; 23]. Жан Жиано утверждал, что ему трудно охарактеризовать своих земляков-крестьян, не описав их местных ландшафтов, ибо крестьяне сливаются с этими ландшафтами в одно целое. На горных массивах Прованса или на равнине, всюду живут люди, чья деятельность осуществляется в сочетании с окружающей средой, лесом, полями и пчёлами, с холмами, овцами, козами, быками и конями [4; 24].

Методы и материалы

Какова источниковедческая база исторических исследований Ф. Броделя? Насколько он был точен в анализе разнообразных письменных источников и данных географии, климатологии, статистики, археологии, топонимики, ономастики? Наверное, мы не первые, кто задаёт вопросы, постановка которых очевидна для любого профессионального исторического исследования.

Нас интересуют, в первую очередь, методы историописания Ф. Броделя, то, как историк использует в своих научных интерпретациях, в построении концептуальных схем развития древнего мира, взаимодействия человека и природы фактические данные, почерпнутые из разных источников, в том числе корреляции собственных наблюдений географических ландшафтов региона Средиземноморья, этнографических данных.

Наш историографический анализ направлен, в первую очередь, на то, как строится его концепция взаимодействия человека древнего мира и природы, насколько она обоснована или фактически уязвима, является ли она самостоятельной или служит лишь вспомогательной конструкцией некоей общей концепции «глобальной истории» с очевидным креном в сторону вестернизации или географической детерминации важных исторических процессов. Найти адекватные ответы на эти вопросы нам поможет тщательный анализ научных произведений Фернана Броделя, ставших широко известными и переведёнными на многие языки.

Результаты и обсуждение

Единой Франции нет, надо говорить о многих Франциях, заявляет Бродель. Горы Юра, их лесные склоны и луга в долинах на востоке, — с некоторым единообразием климата и почв, сельскохозяйственных культур, деревень и городков [4; 27]. Прованс обладает особыми климатическими условиями, небом, южными деревьями и травами, огромными пустошами. Сказывалось долговременное совместное природно-климатическое воздействие Средиземноморья, Роны и Альпийского горного массива. Горные ландшафты Прованса — это столетние сосновые и дубовые леса, маки, вечнозеленые кустарники и многолетние травы на каменистых сухих склонах приморских Альп.

В своих работах Ф. Бродель неоднократно затрагивает проблему леса, его влияния на жизнь средневековой Франции, эффективное использование его ресурсов. Дубовые заросли на склонах гор — типичная картина средневековой Франции: «дровосеки рубят лес, обжигальщики извести собирают хворост для печей, где печётся хлеб и обжигается известь, женщины, вооруженные деревянными молотками, обивают с веток кору, угольщики распиливают эти голые ветки, возчики доставляют кору на дубильные мельницы» [4; 28–29]. Технологические секреты этих сельских ремесел, по мнению Ф. Броделя, не изменялись столетиями.

Во Франции наличествуют несколько главных типов рельефа: древние массивы, осадочные равнины, горные цепи. Дополнительные отличия создаёт, по мнению Ф. Броделя, климат: континенталь-

ный — на востоке; океанический — на побережье Атлантики и в прилегающих местностях; средиземноморский — на юго-востоке Франции, прикрытым приморскими Альпами [4; 42].

Многое зависит, по мнению Ф. Броделя, от сочетания рельефа, климата и почвы: тип жилища, характер земледелия, еда, образ жизни, средства передвижения, источники энергии [4; 43]. К удачному сравнению Пьера Дефонтена (Deffontaines P. 1959), что Франция — «плод битвы климата с растительностью», Бродель добавляет — «битвы рельефов, почв и, в довершение всего, битвы прошедших эпох, нажитого в течение столетий опыта» [4; 43].

Основное климатическое разделение Франции — разделение между севером и югом, которое наглядно выражает, по мнению Ф. Броделя, северная граница распространения южных теплолюбивых растений: винограда, оливковых, каштановых, фиговых деревьев и кукурузы [4; 43].

Особое внимание Бродель уделяет феномену пространства в истории древней цивилизации. Древняя Франция, по Броделю, безмерное пространство, негодное для торговых переходов на дальние расстояния, трудно контролируемое, дикое и опасное [4; 89]. Античное пространство было как бы растянутым: провинции, области, городки, сёла и деревни, законы, культуры, диалекты, традиционные обычаи существовали раздельно, изолированно одни от других [4; 94].

Бедность почвы вынуждает людей поселиться, по мнению Ф. Броделя, дальше друг от друга, в пределах сельскохозяйственной недосыгаемости [4; 112]. Хутора, заимки и одинокие фермы, деревни, городки — это, считает Ф. Бродель, давние, проверенные социальным общежитием виды объединения людей, в которых выражается славная история государства, его исторического движения и социальной динамики [4; 113].

Повсеместно вырисовывалась похожая по модели ситуация: обрабатываемые поля двигались на ближайшие новины, а леса противостояли заброшенным, бедным землям. Новины (целина, ещё не обработанная земля), в трактовке Ф. Броделя, это примерно то, что латиняне обозначали *saltus* — лесистое место, лесной выгон, в противоположность пашне (*ager*) [4; 116].

Ранее участки пашни, которые по разным причинам не обрабатывались несколько лет подряд, так называемые залежи, несмотря на их неприглядный вид, приносили, по мнению Ф. Броделя, значимый доход. То же самое Бродель относит и к лесам: «здесь можно было заниматься «собираательством», здесь паслись стада; под ветвями дубов и буков кормились желудями и шишками свиньи; вообще все животные — овцы, быки, кони — долгие месяцы совершенно свободно бродили по залежам, ландам и лесам, ведя жизнь почти дикую» [4; 118].

В древней и средневековой Франции диких зверей было достаточно много: олени, косули, волки, и только охота могла защитить урожай от их набегов и потрав [4; 119]. Лес, «драгоценнейшее из благ», цитирует Бродель Дорника (F. Dornic, 1955). Лес традиционно сильный экономический фактор: использовался в качестве пастбища, листья дуба и вяза, собранные в лесу крестьянами, шли на корм скоту, когда не доставало сена, буковые листья — на подстилки, сухостой или листья самшита использовались для удобрения земли. Лес, продолжал Ф. Бродель, широко и продуктивно использовался в качестве хвороста для обогрева жилья, кухни [4; 120]. Подавляющее число сельских жителей освоили необходимое ремесло лесоруба, так как перед началом каждой холодной зимы все трудоспособные мужчины, женщины, подростки деревни уходили в лес — валить деревья, срезать ветки, набирать хворост, жёлуди, листья.

Античный человек, по мнению Броделя, был крепче связан с окружающим его лесом, знал его, жил им, изменял его облик. Лес — божественный и природный дар, но людям было свойственно молча, упорно, настойчиво отбирать у леса его богатства, как свои. «Человек властно подчиняет себе лес» [4; 121]. Леса Франции сохраняли от полного исчезновения, по мнению Ф. Броделя, сложный рельеф, нехватка удобных дорог и транспорта, что принуждало использовать богатства леса непосредственно на месте, в ближайших деревнях и городках. Каждый большой лесной массив, несмотря на особенности ландшафта, в историческом видении Броделя, был практически окружен стройными рядами деревень, которые беспощадно отбирали у леса его богатства, в расчете не только для личного пользования, но и для обмена, или продажи [4; 121].

Лес, по мнению Ф. Броделя, был ещё и *миром наизнанку*, местом, которое было прекрасно обжито разбойниками с большой дороги, закоренелыми и находящимися в розыске бандитами, всевозможными пауперами, маргиналами и изгоями. В густых, мрачных лесах «рыскали грабители», безопасность путешественников и их имущества постоянно находилась под серьёзной угрозой [4; 121]. Лес, окружающий сплошной массой деревни, рассуждает Бродель, являлся природной защитой для всех людей, преступивших закон, или установленный королевскими властями порядок. Однако во

время тяжелых испытаний, прямых военных действий, затрагивающих данную территорию лес был надёжным укрытием, спасением для слабых, жители массово укрывались в леса, когда деревьям реально угрожала вражеская сторона и мародёры-грабители [4; 123]. Другой тип беглых, который выделяет Бродель, — это нищие, бродяги, бедняки, пауперы, которые искали приют на стыке между деревенскими землями и лесом.

Своеобразие территориального пространства Франции заключается в том, что здесь сдвигаются юг и север, восток и запад, Средиземное море и океан. Возможно, в этом выражена главная особенность географической сущности Франции [4; 232].

Торговый путь по Гаронне, который насыщенно использовался ещё в античное время, старый маршрут из Ла-Рошели в Ним сближали Атлантику с Средиземным морем. Торговля по Роне преобладала, потому, что от Средиземного моря она вела к городским рынкам Северной Европы. Такое положение сформировалось издавна [4; 233]. Водные маршруты по Соне, Луаре, Сене и её притокам, по Рейну и Мозелю, соединяли далёкие области Франции убедительными связями торговых коммуникаций.

На стыке водных путей контакты обслуживались перевозками на лошадях, телегах или вьючных животных — через возвышенности Центрального массива из Лиона к Луаре; через Дижон, от Соны к Сене; через Бургундские ворота от Соны к Рейну. Водные и сухопутные маршруты создали разветвлённую сеть, от которой зависело социально-экономическое освоение всего пространства Франции. Благодаря римским дорогам, утверждает Бродель, эта территория вместе с экономическими возможностями Галлии стала доступным объектом «колониального» выкачивания материальных богатств. Для римских легионов преобладающим было восточное направление сети дорог, которое прямо выводило на границу с Германией на Рейне, или же через Булонь развивать торговые контакты с Британскими островами.

Видал де ла Блаш одним из первых указал на значение этого маршрута, объединившего всю Францию. «Уже в глубокой древности на нашей территории стало сказываться влияние близко подступающих друг к другу Средиземного и Северного морей. Географически это влияние выражается и закрепляется в дорогах, дальних линиях сообщения. Торговая ось всей Франции, исходящая из Прованса и заканчивавшаяся в Англии или Фландрии, отличается замечательной устойчивостью» [4; 234].

Доставки и складирование различных товаров, грузов на берегах Роны, местная торговля дали прекрасный шанс подняться и укрепить целому ряду небольших городов, которые при благоприятных исторических условиях достигали настоящего расцвета.

Во времена римской империи «французский перешеек», считает Ф. Бродель, представлял один из основных торговых путей, своего рода связку, но служил он в большей мере интересам Рима — ту сеть длинных дорог, городов и деревень, что возникла по инициативе империи в междуречье Мозеля и Рейна. «Перешеек» географически позиционировался как граница Галлии, лишь косвенно затрагивая важные интересы региона. Лион, многими производственными и торговыми условиями был связан с Италией, Лигурией, Средиземноморьем в целом, Западной и Северной Галлией, стал в римскую эпоху базой всех торговых коммуникаций; это была важная часть римской военной логистики, благодаря которой римские войска выдвигались на восточный пограничный рубеж вдоль Рейна. Лион стал местом слияния больших римских дорог, которые служили политическим и торговым целям Римского государства и направлявшихся к германским землям, к Средиземному морю, в Галлию. Лион, заявляет Бродель, стал по существу колониальной столицей, предназначенной для охраны и эксплуатации завоеванных земель [4; 242].

Торговые связи по линии Рона — Сона активно развивались с времён античности и благодаря этому в пределах её досягаемости сложилась крепкая сеть городов, городков, торговых местечек, ярмарок: Бургундия, Лион, Валанс [4; 244]. Так называемый «французский перешеек», по мнению Ф. Броделя, являлся не самым удобным транспортным перевалом Европы и, если не считать римскую эпоху, никогда и не был самым загруженным и эффективным [4; 245].

Историческая судьба Лиона, по мнению Ф. Броделя, во многом определялась характером и структурой международных связей, силовыми возможностями власти и управления, перспективы социально-экономической динамики города прямо зависели от внешнего фактора; Лион требовал продуктивной помощи извне. Римляне, подчинив Галлию, создали этот форпост своего влияния в регионе — Лион на территории с малым количеством населения, которой объективно было невозможно

противостоять Риму без крепких союзников, в одиночку. Лион постепенно превратился в центр экономической эксплуатации Галлии Римской империей [4; 255].

Необходимо учитывать комплексное значение «французского перешейка», считает Ф. Бродель, и, как маршрут продвижения многонациональной культуры Европы [4; 264].

Демографический избыток имел место уже к началу краха римской Галлии, и, возможно, потому римские порядки получают исторический шанс закрепиться в этом регионе. Иль-де-Франс и соседние с ним провинции послужат в будущем географическим и демографическим фундаментом для большой международной экспансии, произведённой Каролингами [4; 266–267].

Через обширное пространство Галлии, утверждает Ф. Бродель, шли два миграционных потока — один со стороны Средиземного моря, другой — из территории Центральной Европы. Таким образом, интенсивно формировалась Прото-Франция — Галлия. Образовалась первоначальная совокупность территории, которая выполнит роль базы для будущего единства [4; 268].

Представляет научный интерес определение так называемых «естественных границ» — крайних контуров прежней Галлии, послужившей пространственной моделью будущей Франции, то есть границ по Альпам, Средиземному морю, Пиренеям, Атлантике, Ла-Маншу, Северному морю, Рейну. В античности, утверждает Бродель, эти границы были определены, и впоследствии, под господством меровингских и каролингских сюзеренов, Галлия продолжала историческое существование в тех же самых широких границах. Галлия удерживала их суверенность в Пиренеях (и даже увеличила свои территориальные владения посредством Испанской марки), в Альпах и в Италии (захват Карлом Великим лангобардской Италии), вдоль Рейна и по своим протяженным морским побережьям. Таким образом, Галлии на протяжении столетий удавалось удерживать своё территориальное единство, а тем временем это пространство крепко связалось с историей Франции, в её границах диффузно перемешались этносы и цивилизации [4; 279].

Стало аксиомой, что непосредственной целью внешней политики Франции в долговременной перспективе является достижение конечных пределов Галлии, её «естественных границ». Однако Галлия, по мнению Ф. Броделя, продолжительное время находилась вне исторического контекста Франции, полностью игнорировалась.

Историки средневековья преподносили историю Франции как хаотичное смешение хроник королевских деяний. Для французов средних веков, утверждает Бродель, не существовало схемы: «наши предки — галлы», история Франции выводилась с франкского завоевания. «Люди даже не задавались вопросом, кто жил в Галлии до франков... или, вернее, отвечали — римляне». И только Этьенн Пакье первым заявил (в 1560 г.), что историю Галлии и её жителей можно составить, изучая записи Цезаря. Галлы после этого и стали составной частью истории Франции [4; 280].

Недостаточно зная о Галлии, трудно было определить её естественные пределы — то есть границы Галлии. Карл VII (XV в.) заявил, что Франция уже давно лишена своих естественных границ, доходивших ранее до Рейна, и настало время утвердить над этими территориями власть французского короля, по праву и обычаю Франции. Из данного утверждения, безусловно, следовало, что предшественниками были правители Франкской державы — Хлодвиг Мервей и, в особенности, император Карл Великий. Французская монархия, защищая своё наследственное право, основывалась не столько на понятии естественных границ древней Галлии, сколько на исторической памяти о силе и военном могуществе франкского королевства, и империи Карла Великого.

Жак Лебон (XVII в.): «Из Рейна пить Париж хотел — то был бы Галлии предел» («Галлия» означает здесь «Франция», «новая Галлия»). Ясные внешнеполитические ориентиры отражены в политическом завещании кардинала Ришелье. «Целью моего правления — было возратить Франции те рубежи, что определила ей природа... дабы Франция совпала с Галлией и всюду, где была древняя Галлия, простиралась бы Галлия новая» [4; 283].

Используя данные исторические и археологические находки, данные топонимики, а также аэрофотосъёмки, Р. Спеклен изобразил картографическую модель укрепленной границы, которая делила Галлию на две части. Созданная, возможно, ещё в древние времена италиками для защиты от воинственных кельтов, укрепленная Римом в IV веке, когда Галлии грозили нашествия варваров, граница и земля эта сделалась впоследствии, в VI–VII веках, свободной маркой [4; 79].

В I тыс. до н.э. началось активное проникновение виноградников и оливковых деревьев с восточного в западный сектор моря. Климатические условия Средиземноморья способствовали быстрому произрастанию кустарников. Зато его климат, по мнению Ф. Броделя, скорее препятствует распространению настоящих лесов и обычных деревьев. Он, по крайней мере, утверждает учёный, не

способствует их адаптации в этой экологической нише. «Люди очень рано начали своё наступление на леса, бывшие изначально неотъемлемой частью средиземноморского пейзажа, и слишком активно занялись их истреблением. На месте этих лесов, которые восстановились лишь частично, появились пустоши и заросли кустарника. Таким образом, по сравнению с европейским Севером, Средиземноморье очень рано утратило свой естественный растительный покров», — утверждает Ф. Бродель [5; 333].

Миры-экономики, различные общества, цивилизации, государства и даже империи существовали на протяжении долгого исторического периода. Античная Финикия, по мнению Броделя, была в сравнении с большими империями как бы моделью мира-экономики. Схожим образом, как Карфаген в лучшие периоды своего военного могущества, политического и социально-экономического превосходства, и доминирования в средиземноморском регионе. Эллинистические цивилизации действовали по разработанным моделям: экономика, политика, идеология, территориальная, экономическая и культурно-идеологическая экспансия. Китай, который действовал аналогичным образом, несмотря на разделяющие пространства, смог овладеть огромными близлежащими территориями, включив их в орбиту своего влияния: Кореей, Японией, Индонезией, Вьетнамом, Тибетом, Монголией. Индия ещё раньше сумела освоить в своих интересах Индийский океан и превратила его в своего рода Внутреннее море, от берегов Индонезии до Африки [1; 16–17].

Экономика Римской империи, её товары и люди, деньги и право, культурные образцы, тем не менее, успешно проникали через линию Рейна и Дуная или в направлении восточных обществ, вплоть до Красного моря и Индийского океана; по утверждению Плиния Старшего, римская экономика имела ежегодное отрицательное торговое сальдо с Дальним Востоком 100 млн. сестерциев. Нумизматы находят древнеримские монеты часто в Индии до сих пор [1; 17].

Общей закономерностью, по мнению Ф. Броделя, является то, что пределы миров-экономик античности были мало оживлёнными, инертными, застывшими, почти брошенными. Пустые, ничейные земли, безграничные моря, суровые горные хребты и глубокие впадины, речные долины, безводные пустыни выступали труднопреодолимой природной защитой.

На суше и вдоль больших рек веками создавались сообщества локальных и региональных рынков, торговых местечек, факторий, перевалочных и ремонтных баз. Даже притесняемый империей, которая давила на него, меркантильно, завистливо игнорировала специфические потребности разных своих провинций, мир-экономика, считает Ф. Бродель, угнетаемый, мелочно контролируемый, мог существовать и развиваться с удивительными для него моментами выхода за имперские границы: римские подданные вели активную торговлю в бассейне Красного моря и его побережий, Индийском океане и сопредельных водах; армянские купцы из Ирана, осуществляли свою торговую, посредническую и финансовую деятельность в разных уголках известного мира, китайские торговцы динамично и усердно осваивали морские порты островов Индонезии.

Европейские регионы смогли, утверждает Ф. Бродель, избавиться от жёсткого экономического давления структурами имперского типа. Римская империя не совпадала с европейскими границами. Империи Каролингов и Оттонов были не способны экономически освоить европейский субконтинент, который после многочисленных исторических коллизий пребывал в экономическом, социальном, политическом и культурно-идеологическом коллапсе.

Культуры, или цивилизации, по выражению Броделя, тоже были структурами, которые объединяли разобщённые территории и географические пространства, на тех же базовых, универсальных принципах, что и экономики. Культура происходила из забытого прошлого, которое превосходило саму по себе долговременность миров-экономик [1; 60]. Культура — самый старый элемент истории человечества: экономические системы и модели менялись, политические институты разваливались, социумы чередовались друг за другом, но цивилизация, как самый стойкий элемент, двигалась дальше по своему историческому пути. Римская империя рухнула в V веке н.э., но институт римско-католической церкви, по мнению Ф. Броделя, по существу продолжает его до настоящего времени.

Культура тесно связана с обществом, политикой, экономикой, диффузным продвижением вширь и вглубь сопредельных территорий. Барьеры по Рейну и Дунаю были культурными преградами по преимуществу: с одной стороны — Европа с христианским благочестием, с другой — чуждая, непонятная и поэтому опасная «христианская периферия». Это был древний *limes* Римской империи, граница силы империи, требующей физической защиты и географических очертаний [1; 61].

Европа совершала экспансию, двигалась вширь со всем её пространством, экономическим, политическим, социокультурным, религиозным, а также и с её прошлым; включая также разнообразные

модели проникновения и грабительских захватов, которые имели место вслед за разрушительными вторжениями варваров V в. Границы империи ослабли, обмякли, «потрескались» в местах наибольшего давления и напряжения, стали проницаемы и почти легко и безнаказанно преодолимы — в направлении германских и восточноевропейских земель, Северной Европы, Британии, частью уже поверженных римским оружием. Были обжиты, экономически освоены морские акватории бассейнов Балтики, Северного и Ирландского морей, Бискайского залива, вод Ла-Манша. Западная европейская цивилизация, по мнению Ф. Броделя, предприняла попытку выйти за границы сфер влияния Римской империи, которая, несмотря на своё военное могущество, свои корабли, стоявшие в Булони и в устье Соммы, оказывала слишком слабое влияние на этот морской мир. Балтийский бассейн давал Риму недостаточно, потребности росли, а материальная и финансовая отдача не соответствовала экономическим ожиданиям. «Римлянам Балтика давала лишь немного амбры», — писал Ф. Бродель.

На южном направлении главной задачей стало установление военного, а затем экономического контроля за торговыми, транспортными коммуникациями Средиземного моря, силовое изъятие у мусульманского мира и у Византии рычагов влияния на южных морях, портах, рынках. Такая традиционная политика морского господства представляла, утверждает Бродель, главный смысл существования Римской цивилизации, душу империи во всей её глубине, этот «пруд посреди сада», был вновь заполнен римскими кораблями и торговцами. Это явилось, по мнению французского учёного, одним из стимулов крестового движения на Восток, настоящей военной, грабительской колонизации западных европейцев, принесшей разорение, упадок, жизненную катастрофу целым поколениям народов Ближнего Востока и Северной Африки [1; 88].

Европа лучше развивалась, крепла, богатела, прирастала новыми городами, портами, пашнями, когда она занималась сама собой, а не колонизацией и ограблением чужих территорий. Прав Арчибальд Льюис (1958), считает Бродель, когда пишет, что «самой важной из границ европейской экспансии была внутренняя граница леса, болот, ландшафт» [1; 89]. Слабо освоенные, малозаселённые пространства Большой Европы, по мнению Ф. Броделя, отступали перед крестьянами, распахивавшими целину, осваивались, стремились быть быстрее обработанными; сельские труженики, жители малых городков технически осваивали передаточные и водяные колёса, ветряные мельницы; устанавливались логистические контакты между областями, ломались «перегородки»; вырастали или воссоздавались на пересечении торговых дорог, у речных переправ, удобных бухт, крепостей, крупных поместий многочисленные города [1; 89]. Древний мир имел частью свободные города, полисы, эллинские города-государства, которые были открыты для сельского населения близлежащих деревень и хуторов, доступные их присутствию и их торговой и ремесленной деятельности.

«Большая часть крупных городов Италии, Франции, прирейнской Германии, придунайской Австрии возникли до нашей эры», — писал известный бельгийский историк античности и европейского средневековья Анри Пиренн, и с чьим мнением соглашается Фернан Бродель.

На своих северных и западных рубежах Англия выходила на труднодоступные горные массивы, плато, главным образом пастушеские, бедные, мало населённые, притом варварские, кельтские, чаще всего чуждые и враждебные английской культуре. Установить своё цивилизационное доминирование, политическое, экономическое, культурное господство — это был, по мнению Ф. Броделя, обязательный процесс внутренней истории Британии, задача, которая могла быть эффективно и успешно решена только силовыми методами, огнём, мечом, выдавливанием на ландшафтную периферию [1; 378].

Индия в течение столетий была, по меткому выражению Броделя, добычей денежной экономики, её несчастной жертвой, частью из-за своих тесных экономических контактов с миром Средиземного моря, со времён античности активно используя деньги, которые он в некотором роде создал и распространил в далёкие азиатские регионы. По спорному, для Броделя, утверждению Л. Джайна (1929), Индия, возможно, имела финансистов уже в VI веке до н.э., в целом — за сто лет до времён Перикла. По крайней мере денежная экономика, финансовые операции получили, считает французский учёный, большое распространение в Индии задолго до Делийского султаната [1; 513].

Индия при своём экономическом и политическом проникновении на Восток могла, утверждает Ф. Бродель, адекватно и эффективно отвечать на Вызовы, которые объективно возникали при количественно и качественно возросших контактах с Западом, то есть Средиземноморьем. Дилемма Европа — Индия, очень старая, производительная во всех отношениях, — не была ли она одной из важных особенностей системы античного прошлого мира? — задаётся вопросом Ф. Бродель.

Выводы

Современность нас предупреждает: всякая производственная революция, экономический и технологический рост — это соединение, некое «множество», симбиоз движений, некая «последовательность». Подходящий пример в исторической реконструкции Фернана Броделя — это эллинистический Египет. В Александрии между 100 и 50 гг. до н.э., за многие столетия до промышленного переворота, произошло явление пара. Изобретатель Герон создал тогда новое техническое устройство — золипил, в определённом роде паровую турбину — технический макет, приводивший, однако, в движение механизм, способный дистанционно открывать и закрывать массивные двери религиозного храма. Это изобретение, по мнению французского учёного, было подготовлено: всасывающим и нагнетательным насосами, инструментами, предтечами современных термометра и теодолита, боевыми машинами, использующими сжатие или расширение воздуха, или силу мощных пружин. Античная Александрия стала настоящим центром технической мысли. В эллинистический период там развернулись разные революции: научная, технологическая, культурная, торговая (Евклид, Птолемей-астроном, Эратосфен), Дикеарх (III в. до н. э.) — первый географ, определивший на карте линию широты, которая проходила бы от Гибралтарского пролива до Тихого океана [1; 360].

Мир эллинизма родился благодаря завоеваниям Александра Македонского, где территориальные государства (такие как Египет и Сирия) заняли, по утверждению Ф. Броделя, место проверенной модели греческих городов-полисов. Это трансформация, которая напоминает в своих основных чертах становление современной Европы.

Однако все научные старания александрийских учёных не были востребованы, остались играми ума, научными фантазиями, не реализовались в производстве, не сделали труд людей легче, а жизнь богаче и свободнее. Вина за это, считает Бродель, лежит, безусловно, на рабстве, которое дало древнему миру весьма доступную для эксплуатации, дешёвую по своей стоимости, психологически покорную рабочую силу, в какой он страстно нуждался. Эллинистическое общество упустило свой исторический шанс, не воспользовалось достижениями античных изобретателей, утверждает Ф. Бродель [1; 560].

Определённую долю исторической ответственности за это Ф. Бродель отводит римскому завоеванию, которое произошло вслед за этими техническими находками и было слишком занято военными, фискальными, политическими аспектами своего господства. Эллинистическая экономика и социум, по мнению Ф. Броделя, были повернуты в мир, пользовались открывавшимися потенциальными возможностями античной глобализации. Римская империя же, к сожалению, закрылась в границах Средиземноморья и, сокрушив своего главного торгового конкурента — Карфаген, подчинив Грецию, Египет и Ближний Восток, закрыла наглухо проходы в азиатский и африканский миры, сузила горизонты своего экономического, политического и культурного проникновения. Бродель предлагает только гадать — была ли альтернатива исторической судьбе, одержи верх в своей трагической борьбе, экзистенциональном противостоянии с Римом Антоний и Клеопатра.

Ранний капитализм, делает вывод Ф. Бродель, зримо проявляется в самом начале глобальной истории, последовательно набирает силу и укрепляется в течение долгого времени. Когда в начале новой эры Индия поработила Индонезию или, по крайней мере, туда экономически входила, когда Рим контролировал в своей имперской власти огромные пространства, больше чем весь Средиземноморский мир, когда в IX веке Китай создал бумажные деньги, когда так называемый коллективный Запад — агрессивные феодальные страны Европы, в своём внешне религиозном рвении в XI–XIII века отвоевывал своё *Mediterranean mare*, убивая иноверцев, захватывая их имущество, земли, когда в XVI веке, с великих географических открытий, «вскрыв глобальное пространство», обозначились контуры транснационального мирового рынка — тогда, по мнению Фернана Броделя, фактически берёт своё начало знаменитая «биография капитала» [1; 641].

Список литературы

1 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. — Т. 3. Время мира / Ф. Бродель. — М.: Прогресс, 1992. — 679 с.

2 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. — Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель. — М.: Прогресс, 1986. — 624 с.

3 Шлюпиков М.В. Современная западная историческая мысль в историографии СССР и СНГ / М.В. Шлюпиков // Исторические и историографические проблемы всеобщей истории: сб. науч. тр., межвуз. — Караганда: Изд. Караганд. гос. ун-та, 1995. — С. 3–42.; Шлюпиков М.В. Французская историческая школа «Анналов» в историографии СССР и СНГ / М.В. Шлюпиков // Всемирная история в канун XXI века: методология, историография и источниковедение. — Караганда: Изд. Караганд. гос. ун-та, 1996. — С. 59–78.

4 Бродель Ф. Что такое Франция? — Кн.1. Пространство и история / Ф. Бродель. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. — 406 с.

5 Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: [В 3 ч.]. — Ч. 1. Роль среды / Ф. Бродель. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.

М.В. Шлюпиков, М.М. Шлюпикова

Ф. Броделдің тарихи тұжырымдамасындағы ежелгі әлемнің табиғаты мен адамы

Мақала Фернан Броделдің тарихи теориясындағы ежелгі әлемнің табиғаты мен адамының тұжырымдамалық көзқарасын талдауға арналған. Авторлар Ф. Бродель тұжырымдамасындағы тарихи процеске географиялық және климаттық факторлардың әсерін көрсетеді. Жер бедері факторларының және белгілі бір экологиялық жүйелердің тарихи негізделген экономикалық, әлеуметтік және саяси қатынастарды қалыптастыру мен дамытудағы маңызы анықталды. Францияның даму мысалында француз ғалымының ежелгі кезеңнен бастап қоғамдық-саяси және экономикалық қатынастарды қалыптастыру тұжырымдамасының теориялық ережелерін іске асыруы ашылған. Географиялық құрылымы, жер бедері бірыңғай мемлекеттік құрылымдар шеңберіндегі мәдени, экономикалық және саяси аудандастыруды, аймақтық айырмашылықтарды да айқындайды. Ежелгі мемлекеттіліктің қалыптасуы мен дамуындағы байланыс жолдарының рөлі бастапқыда Апеннин түбегінде, содан кейін батыс және Оңтүстік Еуропаның көп бөлігінде көрсетілген. Ф. Броделдің эллинизм дәуіріндегі саяси өзгерістердің ұқсастығы және саяси интеграцияның бірқатар заманауи жобалары туралы идеясы ғылыми тұрғыдан өте қызықты және нәтижелі. Эллинистік кезеңде грек полис-қалаларының бұрынғы моделі орын алған аумақтық мемлекеттердің қалыптасуы қазіргі заманғы біртұтас еуропалық кеңістіктің қалыптасуымен көптеген ортақ сипаттамаларға ие.

Кілт сөздер: ежелгі әлем, ежелгі дәуір, эллинизм, Ежелгі Рим, тарихи процескегі географиялық факторлар, саяси интеграция, экономикалық аудандастыру, тарихи аймақтық айырмашылықтар, әлеуметтік тарих, экономикалық тарих, «Жылнамалар» мектебі.

M.V. Shlyupikov, M.M. Shlyupikova

Nature and man of the Ancient world in the historical concept of F. Braudel

The article is devoted to the analysis of the conceptual vision of nature and man of the ancient world in the historical theory of Fernand Braudel. The authors show the influence of geographical and climatic factors on the historical process in the concept of F. Braudel. The importance of terrain factors and certain ecological systems on the formation and development of historically determined economic, social and political relations was determined. On the example of the development of France, the implementation of the theoretical provisions of the French scientist's concept of the formation of socio-political and economic relations, starting from the ancient period, was revealed. Geographical structure, terrain also determines cultural, economic and political zoning, regional differences within the framework of unified state entities. The role of communication routes in the formation and development of ancient statehood was shown, initially on the Apennine Peninsula, and later on in most of Western and Southern Europe. F. Braudel's idea on the similarity of the political transformations of the Hellenistic era and a number of modern projects of political integration is very interesting and scientifically productive. The formation of territorial states in the Hellenistic period, which took the place of the former model of Greek city-polis, has many common characteristics with the formation of a single European space of modernity.

Key words: Ancient world, Antiquity, Hellenism, Ancient Rome, geographical factors in the historical process, political integration, economic zoning, historical regional differences, social history, economic history, Annales school.

References

1 Brodel, F. (1992). Materialnaia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. Tom 3. Vremia mira [Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Vol. 3. Time of the World]. Moscow: Progress [in Russian].

2 Brodel, F. (1986). Materialnaia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. Tom 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe [Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Vol. 1. The structures of everyday life: the possible and the impossible]. Moscow: Progress [in Russian]

3 Shlyupikov, M.V. (1995). Sovremennaia zapadnaia istoricheskaia mysl v istoriografii SSSR i SNG [Modern Western historical thought in the historiography of the USSR and the CIS]. *Istoricheskie i istoriograficheskie problemy vseobshchei istorii — Historical and historiographical problems of general history*. Karaganda [in Russian]; Shlyupikov, M.V. (1996). Frantsuzskaia istoricheskaia shkola «Annalov» v istoriografii SSSR i SNG [French historical school “Annales” in the historiography of the USSR and the CIS]. *Vsemirnaia istoriia v kanun XXI veka: metodologiia, istoriografiia i istochnikovedenie — World history on the eve of the XXI century: methodology, historiography and source studies*. Karaganda: Izdateistvo Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta, 59–78 [in Russian].

4 Brodel, F. (1994). Chto takoe Frantsiia? Kniga 1. Prostranstvo i istoriia [What is France? Book 1. Space and history]. Moscow: Izdatelstvo imeni Sabashnikovykh [in Russian].

5 Brodel, F. (2002). Sredizemnoe more i sredizemnomorskii mir v epokhu Filippa II: [V 3-kh chastiakh]. Ch.1. Rol sredey [The Mediterranean Sea and the Mediterranean World in the Era of Philip II: Parts 1–3. Part 1. The role of the environment]. Moscow: Yazyki slavianskoi kultury [in Russian].

Сведения об авторах

Шлюпиков Михаил — к.и.н., ассоциированный профессор кафедры всемирной истории и международных отношений, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0001-9025-209X>;

Шлюпикова Мария — магистр экологии и природопользования, аспирант географического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; <https://orcid.org/0009-0009-7988-0103>

Information about the authors

Shlyupikov Mikhail — Candidate of historical sciences, associate professor of the Department of World history and international relations, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan;

Shlyupikova Mariya — Master of Ecology and Environmental Management, postgraduate student, Faculty of Geography, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia